

Джованни Казанова

История Жака Казановы де Сейнгальт. Том 9

История Жака Казановы

Джованни Казанова

**История Жака Казановы
де Сейнгальт. Том 9**

«Автор»

Казанова Д. Д.

История Жака Казановы де Сейнгальт. Том 9 / Д. Д. Казанова — «Автор», — (История Жака Казановы)

«Погомас, который в Генуе назвался Пассано, поскольку все его знали, представил мне свою жену и свою дочь, некрасивых, грязных и наглых. Я быстро от них избавился, чтобы наскоро пообедать с моей племянницей и отправиться сразу к маркизу Гримальди. Мне не терпелось узнать, где обитает Розали. Лакей сенатора сказал мне, что его светлость находится в Венеции, и что его не ждут раньше конца апреля. Он отвел меня к Паретти, который женился через шесть или семь месяцев после моего отъезда. Сразу меня узнав, он показал, что рад меня видеть, и покинул свою контору, чтобы пойти представить меня своей жене, которая при виде меня испустила крик восторга и кинулась ко мне с распростертыми объятиями. Минуту спустя он нас покинул, чтобы пойти заняться своими делами, попросив жену представить мне свою дочь...»

Содержание

Глава I	6
Глава II	16
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Джованни Казанова
История Жака Казановы де Сейнгальт,
венецианца, написанная им самим
в замке Дукс, Богемия, том 9

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава I

Я вижу Розали счастливой. Синьора Изолабелла. Повар. Бириби. Ирен. Пассано в тюрьме. Моя племянница – старая знакомая Розали.

Погомас, который в Генуе назвался Пассано, поскольку все его знали, представил мне свою жену и свою дочь, некрасивых, грязных и наглых. Я быстро от них избавился, чтобы наскоро пообедать с моей племянницей и отправиться сразу к маркизу Гримальди. Мне не терпелось узнать, где обитает Розали.

Лакей сенатора сказал мне, что его светлость находится в Венеции, и что его не ждут раньше конца апреля. Он отвел меня к Паретти, который женился через шесть или семь месяцев после моего отъезда.

Сразу меня узнав, он показал, что рад меня видеть, и покинул свою контору, чтобы пойти представить меня своей жене, которая при виде меня испустила крик восторга и кинулась ко мне с распростертыми объятиями. Минуту спустя он нас покинул, чтобы пойти заняться своими делами, попросив жену представить мне свою дочь.

Розали, представив дитя шести месяцев, сказала мне, что она счастлива, что владеет сердцем и душой своего мужа, который, с помощью кредита г-на маркиза Гримальди настолько хорошо повел свою коммерцию, что теперь торгует в одиночку.

Розали стала совершенной красавицей. Она была мне бесконечно признательна, что я пошел повидаться с ней, едва прибыв в город, и настоятельно заявила, что ждет меня к обеду завтра.

– Мой дорогой и нежный друг, я обязана тебе своей судьбой и моим счастьем; поцелуемся и ограничимся этим, и завтра воздержимся от того, чтобы обращаться друг к другу на ты. Но кстати, подожди: у меня есть чем тебя удивить.

Она выходит и две минуты спустя возвращается с Вероникой. Она взяла ее к себе горничной. С удовольствием увидев ее снова и наслаждаясь ее удивлением, я ее обнял, спросив сразу новостей об Аннете; она ответила, что та чувствует себя хорошо и что она работает у нее вместе со своей матерью. Я сказал, чтобы она направила ее ко мне, чтобы служить горничной у моей племянницы в те две или три недели, что я собираюсь провести в Генуе. Она пообещала направить ее завтра, но Розали разразилась смехом и воскликнула:

– Еще одна племянница! Но в качестве племянницы ты, надеюсь, приведешь ее завтра с собой!

– С удовольствием, тем более, что она из Марселя.

– Из Марселя? Она может меня знать, но это неважно. Как ее зовут?

Назвав ей какое-то имя, я сказал, что она дочь кузины, которая была у меня в Марселе; она этому не поверила, но развеселилась, видя меня всегда расположенным к приятным приключениям.

Выйдя от нее, я направился к синьоре Изолабелла и передал для нее письмо маркиза Трюльци. Минуту спустя она вышла ко мне, говоря, что он ее предупредил и что она меня ждет. Она представила мне маркиза Агостино Гримальди *délla pietra*, своего постоянного *чичисбея*, при долгом отсутствии ее мужа, который жил в Лиссабоне.

М-м Изолабелла была хорошо устроена, имела красивое лицо, ум тонкий и приятный, возраст в тридцать лет, тонкую и очень худую талию и лицо, покрытое белилами и румянами, но настолько неловко, что это сразу бросалось в глаза. Это мне не понравилось, несмотря на ее черные глаза, которые были замечательны. Полчаса спустя я откланялся, получив приглашение на ужин на завтра.

Возвратившись в мое жилище, я был рад убедиться, что моя племянница очень хорошо устроилась в комнате, которая была отделена от моей только кабинетом, в котором, я сказал

ей, я поселю горничную, которую я нанял для нее, и которую она увидит завтра. Она меня поблагодарила. Я сказал, что она пойдет со мной обедать в дом негоцианта, в качестве моей племянницы, и она выразила мне признательность за все мои заботы о ней. Эта девушка, которую ла Круа довел до сумасшествия, была хорошенькая, как ангел, но ее благородный тон и нежный характер своей редкостью превосходили ее прелести. Мне это все очень понравилось, и раскаяние в том, что я не соединился с ней с первого же дня, ранило мне душу. Если бы я поймал ее на слове, я бы спокойно стал ее любовником, и, возможно, заставил бы полностью забыть ла Круа.

Поскольку я не обедал, я сел за стол сильно оголодавшим, как и моя племянница, обнаружившая изрядный аппетит. Мы оба посмеялись, найдя наш ужин весьма дурным. Я сказал Клермону позвать хозяйку.

Вина здесь на поваре, – сказала она. Это кузен вашего секретаря Пассано, тот его привел к вам. Если бы поручили это мне, я дала бы вам превосходного повара, и по наилучшей цене.

– Приведите мне его завтра.

– Охотно; но прежде пусть этот убирается. Он у меня вместе с женой и детьми. Это Пассано их привел, пусть он от них и избавится.

– Предоставьте это мне. А пока задержите у меня вашего; я испытаю его послезавтра.

Я сопроводил племянницу в ее комнату и попросил ее ложиться, не обращая на меня внимания. Я читал газету. Почитав, я направился поцеловать ее и пожелать ей доброй ночи, сказав, что она могла бы пожалеть меня, не заставляя спать в одиночку. Она не ответила.

На следующий день она вошла в мою комнату в тот момент, когда Клермон мыл мне ноги, и попросила приказать ему подать ей кофе с молоком, так как шоколад слишком разгорячает; я направил Клермона за кофе, и она стала передо мной на колени, чтобы меня вытереть.

– Мне этого не нужно.

– Почему нет? Это знак дружбы.

– Вы можете оказывать такие знаки лишь любовнику.

Она опустила свои красивые глаза и села рядом со мной. Вернулся Клермон, обтер меня, обул, и хозяйка принесла кофе для нее и шоколад для меня. Она спросила у нее, не хочет ли та купить прекрасную мантилью из Пекина, по моде Генуи, и я сказал, чтобы она принесла показать. Она вышла сказать торговке, чтобы та поднялась, и в ожидании я дал племяннице двадцать генуэзских цехинов, сказав, что это ей для ее мелких надобностей. Она взяла их с изъявлениями благодарности, позволив при этом расцеловать себя с наилучшей грацией. Поднялась торговка, она выбрала, поторговалась и заплатила.

Пришел Пассано с упреками по поводу повара.

– Я нанял его по вашему приказу, – сказал он, – на все время вашего пребывания в Генуе, за четыре ливра в день, с жильем и питанием.

– Где мое письмо?

– Вот оно: *«Разыщите мне хорошего повара, которого я оставлю у себя на все время, что буду в Генуе»*.

– Я сказал вам *«хорошего»*, а он не хорош. Только мне судить, хорош ли он.

– Вы ошибаетесь, потому что он докажет, что он хорош; он вчинит вам иск, и вы окажетесь виноваты.

– Вы заключили с ним соглашение письменно?

– Подписанное вами.

– Я хочу на него взглянуть. Велите ему подняться.

Я приказал Клермону пойти привести адвоката. Поднялся повар, вместе с Пассано, и я вижу соглашение, подписанное двумя свидетелями и составленное таким образом, что, *stricto*

*jure*¹, я должен оказаться виноват; я ругаюсь, но это не меняет сути дела. Повар говорит, что он хорош, и что он найдет в Генуе четыре тысячи персон, которые подпишут, что он хороший повар. Приходит адвокат и говорит мне то же самое; он говорит мне сверх того, что я не найду никого, кто бы захотел сказать, что тот плох.

– Это может быть, – говорю я ему; но я хочу, чтобы он ушел, потому что я хочу взять другого, и я ему, тем не менее, заплачу.

– В этом случае, – говорит мне повар, я попрошу у вас в судебном порядке соответствующую компенсацию за мою поруганную репутацию.

Тут я начинаю смеяться, ругаясь, и в этот момент приходит дон Агостино Гримальди. Когда ему объяснили суть дела, он рассмеялся, пожал плечами и сказал мне не ходить в суд, так как меня засудят, и оплатить расходы.

– Вас подвел, – сказал он, – если он не «*una bestia*» (скотина), ваш комиссионер, который должен был предварительно его испытать, как поступают со всеми поварами.

Пассано на это говорит, прерывая его, что он не обманщик и не *bestia*. Хозяйка же добавляет, что повар его кузен.

Итак, я плачу адвокату и отсылаю его, и говорю повару спускаться к себе. После этого я спрашиваю у Пассано, должен ли я ему денег; он отвечает, что, наоборот, я заплатил ему за месяц вперед, и что он должен мне служить еще десять дней.

– Очень хорошо, я дарю вам эти десять дней и сейчас же прогоняю вас, по крайней мере, если ваш кузен не уйдет от меня сегодня же, вернув вам это дурацкое соглашение, что вы с ним заключили. Идите.

Они все ушли; после чего г-н Гримальди сказал, что я решил свой процесс шпагой, как Александр². Он попросил меня представить его даме, что он видит перед собой, и я сказал, что это моя племянница. Он сказал, что я доставлю большое удовольствие м-м Изолабелла, представив ее той, и я уклонился от этого, сказав, что маркиз Трюльци не упомянул ее в своем письме. Минуту спустя он ушел, и вот – Аннет вместе со своей матерью. Она стала ослепительна. Маленькие желтоватые пятнышки, что были у нее на лице, исчезли, ее зубы стали белыми, она выросла, и ее грудь, достигшая совершенства, была прикрыта газом. Я представил ее ее хозяйке, чье удивление меня позабавило. Я показал ей ее кровать, сказав ее матери, чтобы принесла ее пожитки. Занявшись своим туалетом, я сказал племяннице идти заниматься своим с Аннетой, которая была обрадована, оказавшись снова со мной. К полудню, когда мы были готовы выйти, моя хозяйка пришла представить мне моего нового повара, и вернуть мне контракт, который заключил Пассано со своим кузеном. Эта комичная победа меня развеселила. Я дал распоряжение новому повару насчет обеда, какой я хочу, и направился в портшезе к Розали, в сопровождении своей племянницы.

Я увидел блестящую компанию, в отношении как женщин, так и мужчин, и отметил удивление Розали при виде моей племянницы, как и той – при виде Розали.

Розали, поцеловав меня, назвала ее ее именем, и та ответила комплиментом, который заканчивался заверением, что первой новостью, которую сообщит она ее матери, будет та, что она встретила ее в Генуе, прекрасную и счастливую. Они вышли вместе в соседнюю комнату, как я и ожидал, и вернулись через четверть часа с очень довольным видом. Но сцена на этом еще не кончилась. Вошел Паретти, и Розали представила ему мою племянницу, сказав, что это м-ль ХХХ. Он приветствовал ее; он состоял в переписке с ее отцом; он торопливо вышел и вернулся минуту спустя, держа в руке письмо от ее отца, которое показал ей, и моя племянница поцеловала подпись. Видя ее взволнованной и готовой заплакать, я сам не мог сдержать слез;

---

¹ строго говоря

² с Гордиевым узлом – прим. перев.

я убедил Розали сказать мужу, что тот по важным соображениям должен воздержаться от того, чтобы передать эту новость отцу девушки.

Обед получился блестящий, и Розали восприняла похвалы с большой непринужденностью; но наибольшие почести от всех присутствующих получила моя так называемая племянница, которая, в качестве дочери г-на ХХХ, известного негодичанта из Марселя, приковала к себе внимание молодого человека, которого господь предназначил ей в мужа. Какое удовольствие для меня было узнать в нем министра!

Что до Розали, она меня удивила. Она казалась действительно рожденной, чтобы быть хозяйкой большого дома. Она искренне воздала должное всему, что я нашел достойным похвалы, вплоть до прекрасной посуды и тонких вин. Мы поднялись из-за стола очень довольные и весьма веселые.

Захотели организовать партию в карты, но Розали, зная, что я не люблю такие азартные игры, предложила сыграть в тридцать-сорок в круговую. Игра заняла нас вплоть до времени ужина, при том, что никто не счел себя сильно проигравшим. В полночь мы разошлись, все довольные проведенным днем.

Возвратившись домой и оказавшись наедине со своей племянницей, я сразу спросил, каким образом она познакомилась с Розали в Марселе.

– Я познакомилась с ней у себя, когда она пришла вместе со своей матерью принести белье. Я ее всегда любила. Ей на два года больше, чем мне. Я ее сразу узнала. Она мне сказала, что это вы заставили ее покинуть Марсель, и что вам она обязана своей счастливой судьбой, но не рассказывала мне этого в деталях. Что касается меня, я сказала ей лишь то, о чем она сама могла догадаться. Я призналась ей, что вы не мой дядя, и если она думает, что вы мой любовник, меня это не беспокоит. Вы не представляете себе, насколько сегодняшний прием мне был приятен; вы рождены, чтобы делать людей счастливыми.

– Но ла Круа!

– Прошу вас не говорить о нем.

Она меня разожгла. Она кликнула Аннет, и я направился спать. Но, уложив свою хозяйку в постель, та пришла к моей кровати, как я и ожидал.

– Если правда, – сказала мне она, – что мадам ваша племянница, могу ли я надеяться, что вы меня еще любите?

– Да, моя дорогая Аннета, я тебя люблю; иди разденься и приходи со мной поболтать.

Я провел с этой редкостной девочкой два замечательных часа, которые утихомирили пламя, что разожгла во мне моя племянница.

Назавтра пришел Пассано сказать, что он урегулировал дело с поваром, использовав шесть цехинов, и я ему их вернул, попросив быть более разумным в будущем.

Я направился завтракать к Розалии, чтобы пригласить ее на завтра обедать ко мне, вместе со своим мужем и еще четырьмя людьми по собственному выбору, сказав при этом, что именно она мне скажет, хорош ли повар, которого я собираюсь нанять. Пообещав мне прийти, она захотела узнать историю моих амуров с м-ль ХХХ, но когда я сказал, что действительно не могу ей ничего сказать, она ответила, что не собирается выслушивать от меня сказки. Однако была очарована, услышав от меня, что та мне рассказала о ней. Она спросила у меня, сочту ли я дурным, если она придет ко мне обедать вместе с молодым человеком, который за столом оказывал ей большие знаки внимания.

– Кто он? Мне это интересно.

– Он такой-то. Он единственный сын богатого негодичанта.

– Приводи его. Прощайте, мои старые любви.

Выходя, я попросил Паретти дать мне хорошего местного слугу, и он направил мне превосходного в тот же день. Я застал племянницу еще в постели. Я сказал ей, что Розали придет к нам обедать завтра, и что она может быть уверена, что муж Розали не напишет ее отцу о том,

что она находится в Генуе. Она поблагодарила меня, потому что она об этом беспокоилась. Поскольку мне нужно было ужинать в этот день в городе, я сказал ей, что она может пойти ужинать к Розали, по крайней мере, если не предпочитает ужинать одна.

– Дорогой дядюшка, вы проявляете обо мне столько заботы, что это меня тяготит. Я пойду к Розалии.

– Довольны ли вы Аннет?

– Кстати. Она сказала мне, что спала этой ночью с вами, и что вы были у нее первый любовник, в то же время, как и у ее сестры Вероники.

– Это правда, но это нескромная болтовня.

– Надо ее извинить. Она сказала мне, что она согласилась на это только после того, как вы поклялись ей, что я ваша племянница; и еще, вы понимаете, что она доверилась мне лишь для того, чтобы похвастаться. Она полагает, что этим заслужит от меня некоторого рода уважение, и она права. Я должна уважать девушку, которую вы любите.

– Мне бы больше понравилось, если бы вы ощутили право поэтому ревновать. Даю вам слово, что если она не проявит к вам должного уважения, я выставлю ее за дверь. Вы можете не любить меня, и мне это не может нравиться; но вы не обязаны мне в этом потворствовать.

Я не был раздосадован тем, что моя племянница узнала, что я имел Аннету; но я был слегка задет тем, как она это восприняла. Я понял, что она не имеет никакой склонности ко мне, и мне казалось, более того, что она рада видеть себя освобожденной этим от риска, как ей казалось, проводить все дни тет-а-тет со мной, любующимся ее прелестями.

Мы обедали одни, и вкусные блюда моего повара внушили нам большие надежды относительно него. Слуга, которого мне пообещал Паретти, прибыл; я сказал племяннице, что он принадлежит ей. Погуляв с ней в коляске пару часов, я отвез ее к Паретти и там оставил. Я отправился к м-м Изолабелла, где нашел весьма многочисленную компанию – мужчин и дам самой знатной категории.

Развлечение, которому предавались там вплоть до времени ужина, была игра *бириби*, от которой женщины в особенности были без ума. В Генуе эта игра была запрещена, но в частных домах ею развлекались свободно, и правительство по этому поводу ничего не говорило. Игроки, приверженные ей, ходили по домам, где их принимали, и где они встречались. В этот вечер их судьбе было угодно, чтобы они оказались у м-м Изолабелла, и поэтому у нее собралось столь большое общество. Чтобы делать то же, что и все, я стал играть. В зале, где играли, был портрет мадам, одетой в костюм Арлекина, и на доске для игры в бириби был также портрет Арлекина; чтобы любезничать с хозяйкой, рядом с которой я уселся, я поставил цехин на Арлекина. На доске было тридцать шесть фигурок, выигравший получал тридцать две своих ставки. Каждый игрок в свою очередь доставал шарик из мешка три раза подряд. Держателей бириби было трое. Один – держал мешок, другой – деньги, третий – доску, он же собирал деньги, которые выпадали на шансы, когда вынимали шарик. Банк содержал две тысячи цехинов, или около того. Стол, красивый ковер и четыре серебряных подсвечника принадлежали держателям. Можно было поставить на номер, сколько хочешь. Я ставил каждый раз цехин.

М-м Изолабелла, первой доставала шарик, и мешок перемещался от нее вправо, мой черед наступал последним. Поскольку игроков было пятнадцать – шестнадцать, когда наступил мой черед, я потерял к этому времени уже почти пятьдесят цехинов, поскольку Арлекин ни разу не появлялся. Мне было жалко.

Но к концу, когда настал мой черед, я достал шарик и попался Арлекин. Мне выплатили тридцать два цехина. Я поставил их все на того же Арлекина, он выпал, и мне должны были выплатить тысячу. Я оставил пятьдесят и вытянул третий раз, опять Арлекина. Мне выдали все деньги, что там были, и, поскольку этого не хватило, мне досталось все – стол, ковер, доска бириби и четыре серебряных шандала. Все смеялись, аплодировали мне, освистали разоренных и осмеянных мошенников и выставили их за дверь. Но после раскатов смеха я увидел, что

дамы огорчены. Игра окончилась, они не знали, что еще делать. Я посочувствовал им, сказав, что сам буду держать бириби, и объявил, что не желаю никакого преимущества; я хочу платить тридцать шесть. Меня нашли замечательным. Я развлекал всех вплоть до времени ужина, не проиграв и не выиграв. Я упросил мадам, так что она разрешила продолжить всю эту лавочку. Это приключение забавляло нас в течение всего ужина. Оставшись последним, я пригласил на обед мадам и ее маркиза, и они согласились. Я велел отнести в мою коляску тяжелый мешок, где лежали три сотни цехинов серебром, и направился к Розали, чтобы отвезти домой мою племянницу, которая сказала мне, что провела восхитительный вечер.

– Очень любезный молодой человек, – сказала мне она, – которого Розали приведет к нам завтра обедать, наговорил мне сотню любезностей, и среди прочих – что он хочет приехать в Марсель, чтобы познакомиться с моим отцом, чтобы иметь возможность ухаживать за мной. Он будет разочарован.

– Почему?

– Потому что он меня не увидит. Моим миром станет монастырь. Мой отец, человек гуманный и добрый, мне простит, я сама себя накажу.

– Это меланхолическая идея, от которой вы должны отказаться. Вы созданы, чтобы составить счастье супруга, достойного вас и независимого, насколько это возможно, от фортуны. Чем больше я вас изучаю, тем более убеждаюсь в том, что я вам говорю.

Я отметил с удовольствием хорошее обращение моей племянницы с Аннетой, когда она ее раздевала, и некоторую небрежность этой последней, которая мне не понравилась. Когда она пришла ложиться, я сделал ей по этому поводу мягкие упреки, на которые она должна была отвечать мне только ласками, но отнюдь нет – она вознамерилась заплакать. Слезы красивой девушки в объятиях своего любовника, который готов над ними посмеяться, вызвали раздражение.

– Будь веселее, – сказал я ей, – или иди в свою постель.

При этих словах она вырвалась из моих рук и покинула меня; я заснул в дурном настроении.

Наутро, тоном хозяина, я сказал ей, что она нанесла мне жестокое оскорбление, и что я ее отошлю, если она повторит это еще раз; вместо того, чтобы успокоить меня, она снова заплакала, и, в раздражении, я пошел посчитать мои деньги. Полчаса спустя пришла моя племянница и спросила меня нежным и чувствительным тоном, почему я обидел бедную Аннет.

– Дорогая племянница, скажите ей, чтобы была разумной.

Она взяла со смехом горсть моих экю и ушла. Минуту спустя я увидел Аннет веселой, она с этими экю в переднике явилась меня обнять, обещая мне не плакать больше никогда в жизни. Таков был ум моей племянницы, которая хотела, чтобы я ее любил. но не хотела иметь меня в качестве любовника. В наборе женских способов кокетства приемы такого рода широко распространены.

Пассано явился ко мне без вызова и поздравил с победой.

– Кто вам про это рассказал?

– Все говорят в кафе. Это замечательная новость, потому что *бирибисты* – мошенники, поднаторевшие в своем мастерстве. Это приключение заставит говорить о вас, потому что считают, что невозможно разорить их таким макарон без того, чтобы не стовориться с тем, кто держит мешок.

– Друг мой, вы мне надоели. Передайте этот кусочек вашей жене и подите вон.

Кусочек золота, что я ему дал, стоил сотню генуэзских ливров. Это была монета, которую правительство выпустило для удобства внутреннего обращения. Были также такие монеты в пятьдесят и двадцать пять ливров.

Я продолжал считать мое золото и серебро. Клермон передал мне записку. Это было нежное приглашение Ирен, которая желала, чтобы я пришел с ней позавтракать. Она дала

мне свой адрес. Моя дорогая Ирен в Генуе! Заперев на ключ мои монеты, я отправился туда неодетый; я нашел ее хорошо устроенной, она сказала, что мебель ее, и ее старый отец, граф Ринальди, обнял меня, проливая слезы радости. Он поздравил меня.

– Три тысячи цехинов, – сказал он, – это неплохо.

– Да, – настойчивость и везение.

– Забавно здесь то, что человек, получивший мешок, связан с двумя другими хозяевами бириби.

– Что вы находите в этом забавного?

– Потому что, ничего не теряя, он должен получать половину от сумм, без этого условия с вами никто не будет договариваться.

– Вы верите, что это так?

– Все в это верят. Дело не может обстоять иначе. Это мошенник, который ловит свою удачу, обманывая других мошенников. Все *греки* Генуи им восхищаются, и вы прославились.

– В качестве еще большего мошенника.

– Вас так не называют, по крайней мере явно; вас считают умницей и одобряют.

– Большое спасибо.

– Я слышал эту историю от одного человека, который присутствовал на этом забавном сражении. Он говорит, что второй и третий раз вы узнали шарик на ощупь через посредничество человека, держащего мешок.

– И вы убеждены, что это так.

– Я в этом уверен. Нет такого порядочного человека, который на вашем месте не захотел бы получить возможность сделать так же. Но я советую вам быть начеку при разговоре, который у вас будет с человеком мешка, о том, чтобы отдавать ему его половину. За вами будут шпионить. Если хотите, я вам послужу.

У меня хватило сил сохранить хладнокровие, ничего не ответить, подняться и строго отстранить Ирен, которая, как она это делала в Милане, захотела помешать мне уйти. Эта клеветническая история, которая в среде профессиональных игроков создавала мне высокую репутацию, ранила мне душу. Пассано и Ринальди достаточно мне сказали, чтобы не сомневаться в широкой огласке произошедшего, и я не удивлялся, что этому поверили, но я не хотел и не мог с этим согласиться. Я отправился на *strada Balbi*, чтобы рассказать обо всем маркизу Гримальди и в то же время вернуть ему визит. Он сидел в своем магистрате; меня к нему провели, обо мне объявили, он вышел, поблагодарил меня за беспокойство и, выслушав всю историю, ответил, смеясь, что я должен не обращать на это внимания и тем более не стараться ее опровергать.

– Вы советуете мне согласиться с тем, что я мошенник.

– Только дураки станут называть вас мошенником; не обращайтесь на них внимания, по крайней мере, если не говорят вам это в лицо.

– Хотелось бы мне знать, кто тот патриций, который рассказал об этой истории, и который говорил, что присутствовал при этом.

– Он зря это рассказал; но вы также ошибетесь, если будете разузнавать его имя. Он не собирався, рассказывая ее, сказать о вас плохое, ни причинять вам зло.

– Восхитительно. Вы полагаете, что если дело обстояло так, как о нем рассказывают, это делает мне чести?

– Ни вины, ни чести. Вас любят, над этим смеются, и каждый говорит, что на вашем месте поступил бы так же.

– И вы в том числе.

– Да. Будучи уверен, что на шарике есть Арлекин, я бы разорил банк, как сделали и вы. Скажу вам честно, что я не знаю, выиграли ли вы благодаря везению или ловкости, но если бы

я должен был дать заключение, основываясь на наиболее правдоподобном предположении, я сказал бы, что вы знали о шарике. Поверьте, что я рассуждаю здраво.

– Я этому верю, но вы исходите из предположения, которое меня бесчестит. Согласитесь также, что все те, кто полагает меня способным выиграть с помощью ловкости, меня оскорбляют.

– Это зависит от образа мыслей. Я допускаю, что они вас оскорбляют, если вы чувствуете себя оскорбленным; но они не могут об этом догадаться, и, соответственно, не имея намерения вас оскорбить, они вас и не оскорбляют. Впрочем, вы не найдете никого, настолько наглого, чтобы сказал, что вы выиграли за счет ловкости; однако, вы не можете помешать им так думать.

– В добрый час. Пусть так думают, но пусть остерегутся мне это сказать. Прощайте, господин маркиз, до часа обеда.

Я вернулся к себе, сердитый на Гримальди, на Ринальди, сердитый, что грубо обошелся с Ирен, которую любил, и сердитый на то, что сержусь, потому что мог бы над этим посмеяться; при теперешнем развращении нравов это дело не могло повредить моей чести. Моя репутация была репутацией человека умного, в том значении, которое облагораживает в Генуе более, чем в любом другом месте, тот неприятный смысл, который придавали у янсенистов неприятному имени мошенник. Я размышлял, наконец, о том, что мне не следует проявлять слишком много щепетильности, отобрав бириби тем способом, который, как считают, я применил, если действительно человек с мешком, предварительно со мной свяжется, если это послужит лишь для развлечения прекрасной компании с помощью красивого подвига; но если дело не сложится подобным образом, я не могу позволить, чтобы кто-то действительно выкладывал подобное.

Я постарался справиться со своим дурным настроением для доброй компании, что ждал к обеду. Ко мне явилась моя племянница, у которой не было ни бриллиантов, ни часов и никаких украшений – ее несчастный любовник все с нее продал, – но хорошо одетая и превосходно причесанная, она блистала, как только можно желать.

Пришла Розали, богато убранная, затем Паретти со своими дядей и тетей и с двумя друзьями, чье состояние льстило моей племяннице. Значительно позже явилась м-м Изабелла вместе с г-ном Гримальди. Перед тем, как мы собрались садиться за стол, Клермон объявил о некоем человеке, который хочет со мной поговорить. Я сказал пригласить его, и г-н Гримальди сказал мне, что это человек, который является держателем мешка от бириби.

– Чего вы хотите от меня?

– Я пришел попросить вас о помощи. Меня высылают; а у меня есть семья. Думают, что...

Я не дал ему кончить. Я сказал Клермону, чтобы тот дал ему четыре цехина, и я его выпроводил.

Мы сели за стол, – и вот, опять Клермон, он передает мне письмо. Я вижу подпись Пассано и кладу его в карман, не вскрывая.

Мой обед протекал очень весело, все отдали должное искусству моего повара. М-м Изабелла блистала на первом плане, но Розали и племянница ее затмевали. Молодой генуэзец все свое внимание уделял только моей племяннице, и она, как мне казалось, была к этому чувствительна. Мне хотелось увидеть ее влюбленной в кого-то, кто смог бы заставить ее отказаться от безнадежной идеи пойти затвориться в монастыре. Она могла бы снова стать счастливой, лишь отказавшись от воспоминаний о несчастном, который поставил ее на край пропасти.

Вот письмо, которое мне написал Пассано:

«Я отправился в «Банчи»³, чтобы обменять на деньги кусочек в сотню ливров, который вы мне подарили. Его взвесили и нашли, что он на десять карат легче своей величины, его у меня конфисковали, приказав мне сказать, от кого я его получил. Вы понимаете, что я не должен был на это отвечать. Меня отправили в тюрьму, и если вы не найдете способа меня оттуда

---

³ банк

вытащить, меня ждет уголовный суд. Вы понимаете также, что я не могу дать себя повесить. Остаюсь..., и т. д.»

Я передал письмо г-ну Гримальди. Прочитав его, он сказал, отведя меня в сторону, что это очень плохое дело, которое, прямо говоря, можно решить, только передав палачу того, кто подпилил кусочек.

– Повесят держателей бириби. Пусть их повесят.

– М-м Изолабелла будет скомпрометирована, поскольку бириби запрещена повсюду. Я должен переговорить с Государственными Инквизиторами. Позвольте мне действовать. Напишите Пассано, чтобы он продолжал молчать, и что вы обо всем позаботитесь. Закон относительно подпиливания монет суров только в части этих кусочков, потому что правительство хочет, чтобы они получили хождение в Генуе, и чтобы подпиливатели, будучи примерно наказанными, его уважали.

Я написал, соответственно, Пассано и велел принести весы. Мы взвесили все золотые кусочки, что я выиграл в бириби, и нашли их легче на сумму двух тысяч генуэзских ливров. Г-н Гримальди распорядился их порезать и продать ювелиру.

Поскольку дело было сделано, г-н Гримальди предложил мне партию в пятнадцать тет-а-тет. Это игра тет-а-тет очень неприятная, но я согласился. При ставке в четыре цехина я проиграл в четыре часа пять сотен цехинов.

Назавтра, к полудню, он пришел ко мне сказать, что Пассано уже не в тюрьме, и что ему вернули стоимость его кусочка. Он принес мне также двенадцать или тринадцать сотен цехинов, что получил от ювелира, которому продал изрубленные кусочки золота. Я поблагодарил его за все и сказал, что завтра пойду к м-м Изолабелла, и попрошу у него реванша в пятнадцать.

Я застал его наедине с его дамой. Мы должны были поужинать вдвоем, но не стали. Мы стали играть и кончили только в два часа по полуночи. Я проиграл три тысячи цехинов, из которых тысячу заплатил назавтра, передав ему платежные поручения от меня на остальные две тысячи. По истечении срока его оплаты я был в Англии, и я их опротестовал. Пять лет спустя меня по доносу предателя присудили к тюремному заключению в Барселоне, но г-н Гримальди повел себя благородно. Он написал мне письмо, в котором раскрыл имя моего врага и заверил меня, что не сделает никогда ни малейшего демарша против моей персоны, чтобы заставить меня ему заплатить. Дело было возбуждено Пассано, который, без моего ведома, находился тогда в Барселоне. Я об этом поговорю, когда окажусь там. Все те, кого я взял к себе, с тем, чтобы они мне послужили в тех глупостях, что я творил с м-м д'Юрфэ, меня предали, за исключением венецианки, с которой я познакомлю моего дорогого читателя в следующей главе.

Несмотря свои потери, я жил хорошо, и деньги меня не беспокоили, потому что, наконец, я потерял только деньги, которые выиграл в бириби. Розали приходила обедать ко мне, и я приходил к ней каждый вечер, ужиная вместе со своей племянницей, любовные дела которой становились с каждым днем все серьезней. Я говорил ей об этом, но ее не покидала идея запереться в монастырь, и она сказала мне в начале святой недели, что ее решение стало непоколебимым, поскольку ей к этому времени стало очевидно, что она не беременна.

Она стала испытывать по отношению ко мне такое чувство дружбы и настолько большое доверие после того, как я заимел Аннет, что она часто приходила по утрам, присаживалась на моей кровати, когда та еще находилась в моих объятиях. Она смеялась, видя наши нежности, и казалось, участвовала в наших любовных удовольствиях. Было странно, что своим присутствием она увеличивала мое. Я заглушал с помощью Аннет желания, которые пробуждала во мне моя племянница, и которые я не мог погасить с ней и в ней. Аннет в своей недалековидности не могла заметить моей раздвоенности. Племянница знала, что ее присутствие доставляет мне удовольствие, и я знал, что то, что она видит, что я делаю, не может ей быть безразлично. Когда она думала, что я исчерпался, она просила Аннет подниматься и оставить ее наедине со

мною, поскольку она хочет что-то мне сообщить. Аннет вставала и уходила. Тогда, оставшись со мной, она смеялась, и не сообщала мне ничего важного. Сидя рядом со мной в самом полном неглиже, она полагала, что ее чары не имеют на меня никакой силы. Она ошибалась, и я не пытался ее разубедить, из опасения потерять ее доверие. Моя племянница не понимала, что она не Аннет, и что Аннет не она. Я ее оберегал. Я чувствовал уверенность, что она вознаградит меня, в конце концов, позже, после нашего отъезда из Генуи, когда мы окажемся в весьма свободных условиях тет-а-тет, в которых бывают в путешествии, в нежном безделье, в котором, при отсутствии занятий, проявляют себя в полной мере силы тела и души. Тогда можно болтать, настаивать, убеждать и даже смеяться; можно действовать, и действуют, потому что не осознают, что происходит. Думают лишь потом, и довольны, что все уже произошло.

Но история моего путешествия из Генуи в Марсель была записана в великой книге судьбы. Не имея возможности ее прочитать, я не мог и знать его обстоятельств. Я знал только, что должен ехать, потому что меня ждала в Марселе м-м д'Юрфэ. С этим путешествием были связаны решающие комбинации, от которых должно было зависеть состояние самого красивого из всех женских созданий: венецианки, которая со мной не была еще знакома и не знала, что я существую, чтобы явиться инструментом ее счастья. Я не знал, что должен был остановиться в Генуе, чтобы ее там ждать, поскольку я не знал, что она есть в числе человеческих созданий.

Поскольку я наметил отъезд на второй день Пасхи, у меня еще было шесть дней. Я прикинул свои расчеты с банкиром, к которому меня адресовал Греппи, и взял кредитное письмо на Марсель, где, поскольку там находилась м-м д'Юрфэ, я не мог испытывать нужды в деньгах. Я попрощался с м-м Изолабеллой, чтобы жить всю неделю в полной свободе, единственно с Розали и ее семьей, и часто приезжал в ее загородный дом.

Глава II

Мой брат аббат и его непорядочность. Я завладеваю его любовницей. Отъезд из Генуи. Принц Монако. Моя племянница побеждена. Прибытие в Антибы.

В святой вторник утром Клермон сказал мне, что иностранный аббат, который не хочет сказать свое имя, желает со мной говорить. Аннета пошла прислуживать своей хозяйке. Я пригласил в этот день обедать к себе Розали, всю ее семью и ее друзей.

Я вышел из своей комнаты в ночном колпаке, чтобы посмотреть, что это за аббат. Я увидел личность, которая бросилась мне на шею и крепко обняла. В комнате было темно. Я подошел к окну и увидел младшего из своих братьев, которым я всегда пренебрегал, которого не видел уже десять лет и который меня столь мало интересовал, что я не интересовался даже о его существовании в переписке, которую поддерживал с г-дами де Брагадин, Дандоло и Барбаро.

Как только эти дурацкие объятия прекратились, я спросил у него холодно, какие приключения занесли его в Геную в том плачевном состоянии, в каком я его вижу, потому что он был грязный, мерзкий и оборванный; от него остались только красивое лицо, прекрасные волосы, цветущий вид и возраст двадцать девять лет. Он родился, как Магомет, через три месяца после смерти моего отца.

– Если я должен, дорогой брат, рассказывать всю историю моих несчастий, она будет долгой. Пойдем же в вашу комнату, и я расскажу вам все с наибольшей правдивостью.

– Ответь сначала на все мои вопросы. С каких пор ты здесь?

– Со вчерашнего вечера.

– Кто тебе сказал, что я здесь?

– Граф А.Б. в Милане.

– Кто тебе сказал, что граф меня знает?

– Я прочел месяц назад в Венеции на столе г-на де Брагадин письмо, которое он вам писал, адресованное в дом этого графа.

– Ты сказал ему, что ты мой брат?

– Я должен был в этом признаться, когда он сказал, что я на вас похож.

– Он тебя обманул: ты животное в душе.

– Он пригласил меня обедать.

– Такого оборванного. Ты оказал мне много чести.

– Он дал мне четыре цехина, без чего я не смог бы явиться сюда.

– Он сделал глупость. Ты просишь милостыню. Почему ты покинул Венецию и что ты хочешь от меня?

– Ах! Прошу тебя, не ввергай меня в отчаяние, потому что, по правде говоря, я готов себя убить.

– Я в это не верю; но почему ты покинул Венецию, где, со своими мессами и своими подаяниями, ты жил?

– Это часть моей большой истории. Войдем.

– Отнюдь. Подожди меня здесь. Мы пойдем куда-нибудь, где ты расскажешь мне все, что хочешь. Остерегись говорить моим людям, что ты мой брат, потому что я этого стыжусь.

Я быстро пошел одеться во фрак и сказал ему вести меня в свою гостиницу.

– Должен вас предупредить, что в своей гостинице я нахожусь в компании, и что я могу говорить с вами только тет-а-тет.

– В компании кого?

– Я скажу вам это. Пойдем в какое-нибудь кафе.

– Но что это за компания? Говори сразу, это воры? Ты вздыхаешь?

– Это девушка.

– Девушка? Ты священник.

– Слепленный любовью, соблазненный ею, я ее соблазнил. Я пообещал ей жениться в Женеве, и очевидно, что я не смею больше вернуться в Венецию, потому что я ее умыкнул из дома ее отца.

– Что ты станешь делать в Женеве? Тебя пустят только на три дня, потом выгонят. Пойдем в твою гостиницу; я хочу видеть девушку, которую ты обманул. Ты мне расскажешь наедине все потом.

Я направился в гостиницу, которую он назвал, он должен был следовать за мной; я вхожу, и здесь он меня опережает, поднимается на третий этаж, где я вижу в темном чулане девушку, очень юную, высокого роста, брюнетку, красивую, пикантную, гордого вида, но при этом смущенную, которая, не здороваясь со мной, спрашивает, не брат ли я этого лжеца, который ее обманул. Я отвечаю ей, что да.

– Сделайте же, пожалуйста, доброе и благородное дело и отправьте меня в Венецию, потому что я не хочу больше оставаться с этим мошенником, которого я слушала как дурочка, который рассказывал мне сказки, что запутали мне мозги. Он должен был найти вас в Милане, где вы должны были дать ему денег, чтобы направиться в Женеву на почтовых, и где, как он мне сказал, священники женятся, став реформатами. Он сказал мне, что вы ждете его, но вас там не было. Он достал денег, уж не знаю как, и увез меня сюда. Бог судил, чтобы он вас нашел, потому что без этого я завтра бы пошла пешком, прося милостыню. У меня нет ничего, кроме рубашки на теле. Он продал в Бергамо три другие, что у меня были, после того, как продал в Вероне и в Бреши чемодан и все, что у меня в нем было. Он свел меня с ума. Он заставил меня поверить, что мир вне Венеции это рай; я заинтересовалась этим и покинула мой дом; я убедилась, что он и в тысячу раз не таков, как у нас. Будь проклят час, когда я узнала этого обманщика. Это нищий, который говорит все время как на проповеди. Он хотел спать со мной, как только мы прибыли в Падую, но я не была столь глупа. Я хотела сначала посмотреть на это бракосочетание в Женеве. Вот записка, которую он мне написал. Я вам ее подарю; но если у вас добрая душа, отправьте меня в Венецию, без того, чтобы я была вынуждена идти туда пешком.

Я выслушал всю эту тираду стоя и в истинном изумлении. Этой трагической сцене придавал комический оттенок мой брат, который, сидя и держа голову зажатой между рук, должен был слушать всю эту жестокую историю. Без вздохов, которые он выпускал время от времени, я мог бы подумать, что он спит.

Эта грустная авантюра меня странным образом задела. Я увидел, что должен позаботиться об этой девочке и развязать этот дурно завязанный узел, отправив ее в надежные руки на ее родину, которую она, быть может, не покинула бы, если бы не понадеялась на меня, как вздумал ей внушить мой брат. Характер этой девушки, совершенно венецианский, поразил меня еще более, чем ее очарование; ее искренность, ее справедливое негодование, самолюбие, смелость мне понравились; она не просила меня, чтобы я вернул ее обратно, но заявляла, что по чести я не могу ее оставить в беде. Я не мог сомневаться в правдивости ее рассказа, поскольку мой брат, здесь присутствовавший, хранил молчание, как истинно виновный. Жалость, которую он мог мне внушить, не могла быть отделена от презрения.

После слишком долгого молчания я предложил ему отослать ее в Венецию в сопровождении порядочной женщины в карете, которая отправлялась из Генуи каждую неделю.

– Но вы пожалеете, – сказал я ей, – если вернетесь домой беременная.

– Беременная? Разве я не сказала вам, что он должен был жениться на мне в Женеве?

– Но, несмотря на это...

– Как, несмотря на это? Поймите, что я никогда не соглашалась ни на малейшее из его желаний.

– Помните, – сказал ей брат жалобным голосом, – о той клятве, которую вы дали мне, быть навсегда моей. Вы произнесли ее перед распятием.

Говоря эти слова, которыми он упрекал ее в нарушении обещания, он поднялся, но она, далекая от того, чтобы это признавать, залепила ему пощечину тыльной стороной ладони. Я ожидал небольшой битвы, которой не собирался мешать, но не тут то было. Аббат, смиренный и тихий, отвернулся к окну, подняв глаза к небу, затем пролил слезу.

– Вы злобный дьявол, моя прекрасная мадемуазель, – сказал я ей. Тот, с которым вы так обращаетесь, – это мужчина, который несчастен, так как вы сделали его влюбленным.

– Все, что я знаю, это что он заставил меня совершить глупость, и я не прошу его никогда, разве что, не видя больше никогда. Это не первая пощечина, что я ему влепила, я начала еще в Падуе.

– Вы отлучены от церкви, – сказал он ей, – потому что я священник.

– Я тебе дам еще.

– Вы не дадите ему еще, – говорю я. Берите свои вещи и идите за мной.

– Куда вы ее ведете? – спрашивает влюбленный.

– К себе, и молчи. Подожди. Вот, я даю тебе двадцать цехинов, чтобы купил себе одежду, редингот и рубашки. Ты оставайся жить здесь. Завтра утром я приду с тобой поговорить. Отдай бедным свои лохмотья и возблагодари Бога, что встретил меня. Пойдемте, мадемуазель, я велю отвести вас ко мне, так как в Генуе не должны видеть вас в моей компании, особенно потому, что вы прибыли сюда вместе со священником. Я должен затушить этот скандал. Я поручу вас моей хозяйке, остерегитесь рассказывать ей эту скверную историю. Я дам вам прилично одеться.

– Пойдемте. Слава Богу!

Окаменев при виде двадцати цехинов, он позволил нам уйти, не говоря ни слова. Я сразу поручил моей хозяйке купить ему платье, рубашки, чулки, башмаки и все, что может ему понадобиться. Мне было очень интересно, какова будет эта девушка, когда окажется в состоянии успокоиться. Я известил Аннету, что девушка, которую мне рекомендовали, будет есть и спать вместе с ней, и поскольку мне надо было принимать прекрасную и многочисленную компанию, я пошел одеваться. Я счел себя обязанным информировать мою племянницу обо всей этой истории, чтобы у нее не возникло относительно меня каких-либо низменных предположений. Она сочла, что я и не мог поступить иначе, и ей было любопытно увидеть эту девушку, также как и моего брата, которого она сочла достойным намного большей жалости. Я сделал ей подарок – платье из цветного коленкора с большими букетиками, которое ей шло чрезвычайно. Она вызывала мое восхищение как своим поведением со мной, так и обхождением с молодым человеком, который влюбился в нее до самозабвения. Она встречала его каждый день, либо у меня, либо у Розали. Он писал ей, без всякого ответа, в купеческом стиле, что все согласно между ним и ею, возраст, положение и состояние, и ничто не могло бы помешать ему отправиться в Марсель просить ее руки у ее отца, кроме антипатии с ее стороны к нему. Он просил ее объясниться. Когда она показала мне его письмо, спрашивая совета, я ее поздравил. Я сказал, что на ее месте я бы не пренебрегал этой партией, если г-н Н.Н. ей нравится. Она отвечала, что ничто в молодом человеке не вызывает у нее возражения, и что Розали придерживается моего же мнения.

– Скажите же ему сами, что вы его ждете в Марселе, и что он может быть уверен в вашем согласии.

– Я скажу ему об этом завтра.

Поднявшись из-за стола, я пошел повидать Аннет, которая обедала в комнате племянницы вместе с Марколиной – таково было имя венецианки. Я ее почти не узнал. Но это было не из-за ее платья, в котором не было ничего необычного, а из-за ее лица, которое удовольствие сделало в сотню раз более красивым. Веселость заступила место гнева, который всегда делает человека некрасивым, и нежность, порожденная удовлетворенностью, придала ее лицу вид амура. Мне показалось невозможным, чтобы существо, что я вижу, выдало моему брату,

святому отцу, звонкую пощечину, которую я видел и слышал. Две новые подружки ели и смеялись, сами не зная над чем. Марколина говорила на венецианском жаргоне, и Аннет, ей в отместку, отвечала ей на генуэзском; но первый был очарователен, и вся Италия его понимала, в то время как второй более отличается от итальянского, чем швейцарский от немецкого. Я поздравил Марколину с ее довольным видом.

– Я чувствую себя перешедшей из ада в рай.

– Вы и кажетесь мне похожей на ангела.

– А сегодня утром вы назвали меня дьяволом. Но вот вам белый ангел, о котором и не подозревали в Венеции.

– Теперь вы моя игрушка.

Пришла моя племянница и, видя меня веселым с этими девицами, уселась рядом со мной, чтобы получше изучить мое новое приобретение.

Она нашла ее вполне хорошенькой и, сказав ей об этом, подарила ей нежный поцелуй. Марколина, настоящая венецианка, спросила у нее без церемоний, кто она.

– Я племянница месье, который теперь отвозит меня ко мне в Марсель.

– Вы бы стали также и моей племянницей, если бы я стала его сестрой. Как бы я была счастлива иметь такую красивую племянницу!

И вот опять в изобилии поцелуи, которые получает и раздает Марколина. Мы оставляем ее вместе с Аннет и направляемся на рейд, где садимся в большую парусную барку.

Вернувшись домой к полуночи, я спросил у Аннет, которая раздевала свою хозяйку, где венецианка, и она ответила, что та рано легла и сейчас спит; мне захотелось на нее посмотреть. Она проснулась, я присаживаюсь рядом с ней, я говорю ей, что в кровати нахожу ее еще более красивой, я хочу ее обнять, она сопротивляется, я не настаиваю, и мы беседуем. Четверть часа спустя приходит Аннет, я говорю ей идти ложиться, и она идет, гордая тем, что Марколина понимает, что она моя любовница.

Я между тем расспрашиваю ее о моем брате, говорю ей о том живом интересе, который она мне внушила сразу, как я ее увидел, и обо всем, что я готов для нее сделать, захочет ли она вернуться в Венецию или ей больше по душе ехать во Францию вместе со мной.

– Женившись?

– Нет, так как я женат.

– Это неправда, но мне это неважно. Отправьте меня в Венецию, и как можно раньше; я не хочу быть ничьей наложницей.

Тут я становлюсь настойчив, применяя, однако, лишь ту нежность, которой любой женщине труднее сопротивляться, чем открытой силе. Смеющаяся Марколина, видя, что я продолжаю, несмотря на то, что она перекрывает мне все пути, резко выскакивает из постели, укрытая одной длинной рубашкой, заходит в комнату моей племянницы и запирается там. После чего я направляюсь ложиться спать, однако разозленный. Аннет, сочтя, что с ней обошлись не лучшим образом, затевает ту же игру, что и Марколина.

На другой день рано утром я вошел к моей племяннице, чтобы посмеяться слегка над компанией, которую я ей случайно предоставил, – и есть над чем посмеяться.

– Эта венецианка, – говорит мне она, – меня изнасиловала.

Та другая, не защищаясь, настраивается снова давать ей знаки продолжающейся нежности, которые, исполненные изящества, дают мне представление о том, что они делают под покрывалом.

– Вот, – говорю я моей племяннице, – грубый штурм, по сравнению с той обходительностью, которую проявлял ваш дядя по отношению к вашим предрассудкам.

– Эти шалости между девушками, – ответила мне она, – не могут соблазнить мужчину, который покинул объятия Аннет.

– Но они меня соблазняют.

Говоря так, я их раскрываю. Марколина кричит, но не двигается, и другая говорит мне чувствительным тоном, чтобы я их снова укрыл; однако то, что я видел, слишком меня взволновало, чтобы торопиться. В этот момент заходит Аннета и, выполняя приказ своей хозяйки, натягивает покрывало на вакханок и лишает меня таким образом прекрасного зрелища. Разозленный теперь против Аннет, я толкаю ее на кровать и даю двум остальным столь интересный спектакль, что они бросают свои шалости, чтобы смотреть его с самым большим вниманием. После чего Аннет клянется мне, что я прав, отомстив таким образом за их неприступность. Вполне довольный фарсом, я направился завтракать и сразу затем пошел в гостиницу, чтобы повидаться с братом.

Я нашел его прилично одетым.

– Как себя чувствует Марколина? – говорит он мне грустно.

– Очень хорошо. Я поместил ее очень просто. Она ест и спит с горничной моей племянницы, и очень довольна.

– Я не знал, что у нас есть племянница.

– Теперь знаешь. Я отправлю ее в Венецию в течение четырех-пяти дней.

– Я надеюсь обедать вместе с вами сегодня.

– Нет, нет, дорогой брат. Тебе нельзя показываться у меня, так как если Марколина тебя увидит, ей станет грустно. Ты больше ее не увидишь.

– Ох! Я тоже поеду в Венецию, когда захочу повеситься.

– С чего это? Она не может тебя волновать.

– Она меня любит.

– Она тебя бьет.

– Потому что любит. Она станет нежной, когда увидит меня устроенным. Ты не знаешь, как я страдаю.

– Я себе это представляю; но это чувство, которое я гоню от себя, потому что ты безбожник и дурак, варвар, который не заслуживает жалости, потому что ради удовлетворения недостойного каприза ты готов сделать несчастной на всю жизнь очаровательную девушку, которая рождена, чтобы быть счастливой. Ответь мне. Что бы ты делал, если бы я повернулся к тебе спиной?

– Я пошел бы просить милостыню вместе с ней.

– Она бы тебя побила; и чтобы избавиться от тебя, она способна будет попросить защиты закона.

– Но что ты сделаешь для меня, если я позволю ей вернуться в Венецию и не последую за ней?

– Я отвезу тебя во Францию и помогу поступить на службу к какому-нибудь законнику.

– На службу? Я рожден только для служения Богу.

– Ах! Горделивый дурак! Марколина хорошо сказала вчера, что ты говоришь, как читаешь проповедь. Каков твой Бог? Какое служение ты ему предоставляешь? Безмозглый лицемер! Не таков ли ты, когда сводишь с ума порядочную девушку, профанируешь свой нрав, предаешь свою религию, не зная ее? Без всякого таланта, несчастный дурень, вообразивший, что может стать протестантским пастором, ничего не зная в теологии, не умея даже говорить на своем языке. Берегись появляться передо мной, потому что вынудишь меня сделать так, что тебя изгонят из Генуи.

– Ну что ж! Везите меня в Париж. Я представлюсь моему брату Франсуа, у которого сердце лучше, чем ваше.

– Очень хорошо. Я отправлю тебя в Париж. Мы выезжаем через пять-шесть дней. Оставайся в этой гостинице, и я тебя извещу. Со мной будут моя племянница, мой секретарь и мой слуга, и мы отправимся морем.

– На море мне будет плохо.

– Будешь блевать.

Когда я передал Марколине этот диалог, я не заметил в ее лице никакого интереса. Она вежливо сказала мне, что не чувствует за собой никакого обязательства перед ним, кроме благодарности за то, что он познакомил ее со мной. Я ответил ей, что прощаю его лишь потому, что он познакомил меня с нею.

– Я люблю вас, и если вы не согласитесь стать моей любовницей, я умру.

– Никогда, потому что иначе я полюблю вас, и когда вы меня покинете, я сама умру.

– Я никогда не покину вас.

– Очень хорошо; везите меня во Францию, и там мы начнем спать вместе; сейчас у вас есть Аннет, а я влюблена в вашу племянницу.

Самое интересное в этом приключении было то, что моя племянница также влюбилась в нее и заявила, что мы должны усадить ее есть с нами, и что отныне она будет спать только с нею. Поскольку я смог теперь присутствовать при их безумствах, я не нашел что ей возразить. За столом она рассказывала нам истории столь забавные, что они развлекали нас вплоть до момента, когда мы направились ужинать к Розали, где неизменно присутствовал г-н Н.Н.

Назавтра, в святой четверг, Розали пошла вместе с нами смотреть процессии. Я вел под руку Розали и Марколину, укрытых за своими *меццаро*⁴, а г-н Н.Н. подал руку моей племяннице. На следующий день, когда мы отправились смотреть в той же компании процессии, которые в Генуе называются «*касачче*», Марколина показала мне моего брата, который, рыская вокруг нас, делал вид, что нас не видит. Он был тщательно завитой, и этот фат надеялся теперь понравиться Марколине и заставить ее пожалеть, что она им пренебрегла, но ему пришлось страдать, как проклятому, так как венецианка, закутанная в сандаловую накидку, умела пользоваться и играть своей *меццаро* лучше, чем генуэзки. Он никак не мог понять, был ли он замечен. Кроме того, жестокая держалась за мою руку, так сжимая ее, что мы казались лучшей парой на свете.

Эти две девушки, ставшие близкими подругами, не могли смириться с тем, что, как я им говорил, их любовные безумства – это единственный источник их дружбы; они мне обещали, что их шалости прекратятся с нашим отъездом из Генуи, и что я начну спать с ними вместе в фелуке, которая должна нас отвезти в Антиб, где мы должны провести не менее одной ночи, не раздеваясь. Я получил от них слово и наметил наш отъезд на четверг, я заказал фелуку и отправился в среду известить моего брата, чтобы он на нее погрузился.

Был жестокий момент, когда я передавал мою добрую Аннету ее матери. Ее рыдания передались нам всем. Моя племянница дала ей платье, а я тридцать цехинов, пообещав вернуться в Геную по моем возвращении из Англии; но я туда больше не вернулся. Я известил Пассано, что он будет есть вместе с аббатом, которого найдет на фелуке. Я позаботился снабдить его провизией на три дня. Г-н Н.Н. пообещал моей племяннице, что будет в Марселе через две недели, и когда он приедет, женитьба будет согласована между его и ее отцами. Это событие наполнило меня радостью, потому что уверило, что отец встретит ее с распростертыми объятиями. Г-н Н.Н. вместе с Розали и ее мужем покинули нас, лишь когда увидели, что нам надо подниматься на фелуку.

Моя фелука, довольно большая, имела двенадцать гребцов и была вооружена маленькими пушками и двадцатью четырьмя ружьями, чтобы мы могли защититься от корсаров. Клермон расположил там мою коляску и мои чемоданы так заботливо, что поместились вдоль нее пять матрасов так что мы могли там спать, и даже раздевшись, как в комнате. У нас были большие подушки и широкие покрывала. Длинный тент из саржи укрывал всю барку, и на концах длинной деревянной балки, поддерживавшей тент, помещались два фонаря. С наступлением ночи их зажгли, и Клермон подал нам ужин. Я, сидя между двух девиц, прислуживал

---

⁴ капюшон

моим сотрапезникам, первой – моей племяннице, затем – Марколине, затем – моему брату и Пассано. Воду в вино не добавляли, каждый пил из своей бутылки превосходное бургундское. После ужина, хотя ветер и был очень легкий, подняли парус, и гребцы отдохнули. Я погасил лампы, и мои два женских ангела заснули, каждая положив на меня свободную руку.

Свет зари разбудил меня в пять часов, и я увидел двух уснувших красавиц у меня по бокам в тех же позициях, как они были, когда я загасил фонари. Я не мог покрыть поцелуями ни одну, ни другую. Одна, предполагалось, была моя племянница, другая была девушкой, с которой гуманность воспрещала обращаться как с любовницей в присутствии брата, который ее обожал и ни разу не получил от нее ни малейшей милости. Он находился там, удрученный горем и неприятностью, которую причиняло ему море, от чего ему выворачивало желудок и заставляло извергать оттуда все, что там было. Он находился там, внимательно наблюдая, не появится ли какое-нибудь движение под покрывалом. Я должен был его пожалеть и не ввергать в отчаяние в такой момент, когда он легко мог прыгнуть в море и утопиться.

Они проснулись, свежие как розы, и, после взаимных пожеланий доброго утра, мы зашевелились и отправились по одному на нос, в туалет, который нам там поставили, и который был необходим моим красоткам для соблюдения приличий. Но я стал ругать хозяина фелуки, когда увидел, что мы находимся лишь напротив мыса Финал.

– Ветер стих, – отвечали мне, еще в Савоне.

– Надо грести.

– Мы опасались вас разбудить; но завтра вы будете в Антибе.

Гребцы, проклиная штиль, принялись за работу. Клермон подал нам превосходный бульон, сделанный из таблеток, которые всегда были у меня с собой. Мы пообедали в полдень, и в три часа решили причалить в Сан-Ремо. Весь экипаж счел это моим капризом; мы пристали, но я распорядился никому не сходить с фелуки. Моя племянница не могла сдерживать смеха прямо в лицо моему несчастному брату, который непрерывно доставал из кармана зеркало и издавал жалобные вздохи, видя свое лицо, которое из-за моря утеряло свою свежесть.

Я отвел двух девиц в гостиницу, где заказал кофе. К нам подошел некий господин и просил оказать ему честь пойти вместе с ним туда, где нас развлекут игрой в бириби.

– Полагаю, месье, эта игра запрещена в государстве Генуя.

– Это так, но в Сан-Ремо мы пользуемся некоторыми привилегиями. Это территория империи. Мы здесь находимся несколько дней, мы *бирибисанти*, что были раньше в Генуе.

Уверенный, что мошенники – те же самые, что я обыграл в Генуе я принял приглашение. У моей племянницы было в кошельке пятьдесят луи; я дал десять-двенадцать Марколине, и вот мы в зале, где собралась большая компания. Нам освободили место, мы сели, и я увидел тех же, что я наказал у м-м Изолабеллы, за исключением того, кто держал мешок. При виде меня они побледнели.

– Я играю фигурку Арлекина, – говорю я им.

– Ее больше нет.

– Сколько в банке?

– Вы видите. Здесь играется по малой. Двух сотен луи достаточно. Можно ставить столько, сколько угодно, вплоть до одного луи.

– Очень хорошо. Но мои луи точные по весу.

– Я полагаю, что наши тоже.

– Вы в этом уверены?

– Нет.

– В таком случае, – говорю я хозяину дома, – мы не играем.

– Тут хозяин бириби говорит, что к концу игры он даст по четыре эку и шесть франков за каждый луи, который у него выиграют, и с этим договорились. Тут же была раскрыта таблица игры.

Мы все понтировали по луи. Я проиграл двадцать, как и моя племянница, но Марколина, которая до того ни разу не видела бириби, и которая никогда не имела и двух цехинов, оказалась победительницей со ста сорока луи. Она играла на фигурку аббата, которая двадцать раз выходила пятой. Ей дали мешок, полный шестифранковых эю, и мы вернулись на нашу фелуку... Ветер был противный, и мы должны были идти на веслах всю ночь, и, поскольку море становилось дурным, в восемь часов утра я решил пристать в Ментоне. Моя племянница и Марколина сделались больны. Я единственный не мучился. Заперев мешок Марколины в мой чемодан, я отправился пешком по берегу вместе с девушками, сказав Пассано, что он может поступить так же вместе с моим братом.

Мы пошли в гостиницу. Мои красавицы бросились в постель. Хозяин мне сказал, что в Ментоне находится принц Монако вместе с супругой. Я решаю сделать ему визит. Тринадцать лет назад я беседовал с ним в Париже. Я был тот, кто, ужиная с ним и его любовницей Коралин, мешал ему зевать. Он был тот, что отвел меня к мерзкой графине де Рюфек; тогда он был не женат; я нашел его там, в его княжестве, вместе с супругой, от которой он имел уже двух сыновей. Она была маркизой де Бриньоль, богатой наследницей, но прекрасной и приятной в обхождении еще более, чем богатой; я знал ее по отзывам, мне было любопытно ее увидеть.

Я иду, обо мне объявляют, и после приглашения вводят. Я величаю его полным титулом, который не давал ему никогда в Париже, где и никто его ему не давал. Он говорит, что с удовольствием меня снова видит, однако с некоторым холодком. Он понимает, что я остановился из-за плохой погоды; я говорю, что если он позволит, я остановлюсь в его замечательном городе (который отнюдь не замечательный) на весь день; он отвечает, что я волен поступить, как мне хочется, и поясняет, что проводит здесь время охотней, чем в Монако, где обстановка принцессе не нравится, также как и ему самому. Я прошу меня ей представить, и он приказывает кому-то отвести меня к ней.

Она была за своим клавесином, аккомпанируя арии; она поднялась и, поскольку не было никого, кто мог бы меня представить, я сказал ей свое имя. Нет ничего более неловкого, чем мужчина моего статуса, который представляется сам. Принцесса делает вид, что ей не нужно знать ничего более, и чтобы мне что-то сказать, ищет какое-нибудь соответствующее положение в правилах вежливости, в разделе представлений; однако я не оставляю ей времени на размышления и объясняю все в немногих словах, за исключением того, что со мной две мадемузели. Эта принцесса была красива, приветлива и обладала многими талантами. Она была единственная дочь. Ее мать, которая знала принца Монакского и предвидела, что он сделает ее несчастной, не хотела ее ему отдавать; но она должна была решиться на это, когда та ей сказала: «*Или Монако, или монашка*».

Но вот появился принц, преследуя одну из горничных, которая убегала от него, смеясь, но принцесса сделала вид, что ничего не замечает, и завершила фразу, которую мне высказывала. Я откланялся, и она пожелала мне доброго пути. Я снова повстречал принца, который попрощался со мной и пригласил всегда приходить повидаться, когда буду проезжать мимо. Я вернулся в гостиницу и заказал обед на троих.

В княжестве Монако имелся французский гарнизон, и принц получал за это пенсион в сто тысяч франков. Он имел на это право, и этот гарнизон придавал ему чести и видимости величия.

Молодой офицер, весь нарядный, завитой в пух и прах и пахнущий амброй, остановился перед нашей открытой комнатой и проявив наглость, спросил, не позволим ли мы объединить его хорошее настроение с нашим. Я холодно ему ответил, что он этим окажет нам много чести, что должно было сказать – ни да ни нет; но француз, сделав первый шаг, уже не отступает и не позволит сбить себя с толку.

Развернув ворох любезностей перед моими красотками, выдав кучу коротких фраз без всякого смысла и не давая им времени ответить, он повернулся ко мне и сказал, что, зная,

что я говорил с принцем, он удивился, что тот не пригласил меня обедать в замке вместе с этими очаровательными дамами. Мне пришлось ему ответить, что я не представил принцу этих очаровательных дам.

Едва это услышав, он вскакивает с энтузиазмом, он говорит, что теперь он этому не удивляется, что он идет дать отчет Его Светлости и что, соответственно, он будет иметь честь обедать с нами при дворе. Проговорив это, он сбегает по лестнице и уходит.

Мы смеемся все трое над пылом этого ветреника, уверенные, что не будем обедать ни с ним, ни у принца.

Он возвращается четверть часа спустя, веселый, и приглашает нас с торжествующим видом обедать в замке, от имени принца. Я прошу его поблагодарить Его Светлость и принести ему в то же время наши извинения. Я говорю, что, поскольку погода улучшилась, я настоятельно хочу отъехать, съев наскоро кусочек. Он настаивает, он упрашивает, и, наконец, вынужден удалиться с огорченным видом, чтобы пойти сказать принцу, что ничего не выходит. Я думаю, что на этом дело кончится, но не тут то было.

Еще четверть часа спустя он возвращается с еще более довольным видом и говорит дамам, не обращая больше на меня внимания, что он дал Его Светлости описание их прелестей, настолько близкое к действительности, что тот решил сам прийти обедать вместе с ними.

– Я приказал, – сказал он им, – чтобы поставили еще два куверта, так как я тоже буду иметь эту честь. Вы увидите его через четверть часа.

Очень хорошо, – говорю я ему, не задумавшись ни на мгновение – я сейчас схожу на мою фелуку, чтобы взять превосходный паштет, который принц оценит. Пойдемте, дамы.

– Вы можете, месье, оставить их здесь. Я составлю им компанию.

– Я благодарю вас, но им тоже надо кое-что взять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.